

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Анализируется содержание права потерпевшего на доступ к правосудию. С точки зрения необходимости обеспечения данного права рассматриваются процедура судопроизводства по делам частного обвинения и практика ее реализации мировыми судьями (по результатам исследования дел, рассмотренных мировыми судьями Томской области).

В соответствии со ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. В то же время ст. 52 Конституции РФ гласит: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Возникает вопрос: как соотносятся между собой право на судебную защиту (гарантированное Конституцией РФ каждому) и право на доступ к правосудию (предоставленное только потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью)? Не означает ли это возможного разграничения права на судебную защиту и права на доступ к правосудию, когда потерпевшим может быть не признано право на судебную защиту, а все остальные лица, имеющие право на судебную защиту, не вправе рассчитывать на свободный доступ к правосудию? Попытки развести эти два понятия (право на судебную защиту и право на доступ к правосудию) описаны в юридической литературе¹.

Еще большую сложность в проблему определения объема прав потерпевшего в сфере обеспечения ему доступа к правосудию и предоставления судебной защиты может внести анализ положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией 30.03.1998 г. В соответствии со ст. 6 данной Конвенции каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Потерпевший от преступления в данной норме не упомянут. Означает ли это, что тем самым право на справедливое судебное разбирательство не признается за лицом, потерпевшим от преступления, если им не заявлено требование о компенсации причиненного вреда (последнее автоматически превращает для него данный спор в спор, направленный на определение его гражданских прав и обязанностей)? Собственно говоря, первоначально Европейский Суд по правам человека действительно исходил из буквального толкования данной нормы, не признавая за потерпевшим право на возбуждение уголовного преследования и не распространяя на потерпевшего, не заявившего гражданского иска, право на справедливое судебное разбирательство².

Одним из положений, вынесенных на защиту докторской диссертации Л.Б. Алексеевой, являлось утверждение, что субъектами права на справедливое судебное разбирательство являются не только лица, обвиняемые в совершении преступления, но и жертвы преступления³.

Представляется, что данное утверждение абсолютно справедливо: потерпевший от преступления имеет право рассчитывать на справедливое судебное разбирательство, как исходя из положений Конституции РФ, так и опираясь на нормы Европейской Конвенции. Причем потерпевший должен иметь как возможность инициировать судебное производство (т.е. реализовать собственное право на доступ к правосудию), так и право на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, с соблюдением определенной процедуры (право на судебную защиту в узком смысле).

В самом деле, право на справедливое судебное разбирательство, на судебную защиту становится фикцией, не будучи гарантированным, обеспеченным реальной возможностью обращения соответствующего лица в суд. Это неоднократно признавалось и Европейским Судом по правам человека⁴.

С другой стороны, узко понимаемое право на доступ к правосудию (только как «возможность притязать на деятельность суда по восстановлению нарушенного преступлением права, участвовать в пересмотре дела в вышестоящих судебных инстанциях»⁵) сводится также исключительно к формальным моментам. Между тем само понятие «правосудие» подразумевает, что оно включает в себя только деятельность суда (т.е. независимого органа, обладающего беспристрастностью и наделенного властными полномочиями по решению правового спора), осуществляемую в особом порядке (гласно, состязательно, при условии предоставления каждому участнику возможности довести до суда свою позицию, аргументировать ее и возразить против позиции других участников). Таким образом, судебная защита немыслима без обеспечения доступа к правосудию и наоборот, право на доступ к правосудию будет действительно реализовано только в условиях реального обеспечения права на судебную защиту.

Более того, на потерпевшего (по делам частного обвинения) должны распространяться и все выводы Европейского Суда по правам человека относительно гарантий обеспечения права на справедливое судебное разбирательство, исходя из следующего:

1. В последние десятилетия существенно изменилась позиция стран – членов Совета Европы в отношении прав потерпевшего. В частности, Кабинетом министров Совета Европы в рекомендациях NR (85) «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» и NR (87) 18 «Относительно упрощения уголовного правосудия» предписано предоставить потерпевшему право просить о пересмотре решения об отказе от уголовного преследования, а так-

же учитывать позицию потерпевшего при принятии решения об отказе от уголовного преследования.

2. Ст. 3 Европейской Конвенции предусматривает, что никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению. Причем государства – члены Совета Европы обязаны не только не допускать подобного обращения в отношении лиц, находящихся на их территориях, но и выполнять позитивную обязанность, заключающуюся в принятии необходимых мер для гарантирования каждому, находящемуся под его юрисдикцией, что он не будет подвергнут пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению как со стороны государства, так и со стороны частных лиц. Эта позитивная обязанность государства должна реализовываться, в частности, путем предоставления лицам, заявившим, что они пострадали от такого обращения, эффективных средств правовой защиты (см. также ст. 13 Конвенции). Такими эффективными средствами правовой защиты, по мнению Европейского Суда по правам человека, могут являться эффективное официальное расследование и обеспечение доступности надлежащей судебной процедуры для разрешения спора; причем, такая судебная процедура должна удовлетворять всем требованиям ч. 1 ст. 6 Конвенции, регламентирующей право на справедливое судебное разбирательство. Иной порядок не будет являться эффективным средством правовой защиты.

Поэтому Европейский Суд приходит к выводу о том, что требования ст. 13 фактически поглощаются требованиями ч. 1 ст. 6 Конвенции. В результате, в случаях, когда он признает, что имело место нарушение ч. 1 ст. 6 Конвенции, он не считает необходимым отдельно рассматривать вопрос о том, была ли нарушена ст. 13⁶. Однако в ситуации, когда потерпевший формально не подпадает под действие ч. 1 ст. 6 Конвенции, ему все же должны быть предоставлены возможности для эффективной защиты своего права, предусмотренного ст. 3 Конвенции. А любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы, безусловно является одновременно и грубым посягательством на человеческое достоинство⁷. Между тем о наличии или отсутствии в распоряжении жертвы преступления эффективных средств правовой защиты можно судить по тому, провело ли государство эффективное расследование и предоставило ли оно потерпевшему возможность получить судебную защиту в результате судебного разбирательства, удовлетворяющего всем критериям справедливости, закрепленным в ч. 1 ст. 6 Европейской Конвенции, которая, таким образом, распространяется на потерпевших если не прямо, то по аналогии.

На основании сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1) право на доступ к правосудию, право на судебную защиту (закрепленные в Конституции РФ) и право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ч. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, фактически совпадают по своему содержанию, поскольку подразумевают, что лицу будет предоставлено право инициировать судебную процедуру и требовать рассмотрения спора неза-

висимым и беспристрастным судом, в разумный срок, с соблюдением начала гласности, если это возможно. При этом лицо должно быть наделено как минимум следующими правами: лично участвовать в судебном разбирательстве, иметь возможность представить свою позицию по делу на равных правах с другой стороной, обжаловать судебное решение и требовать его пересмотра по существу, а также правом на исполнение судебного решения, вступившего в силу;

2) потерпевший (в том числе по делам частного обвинения) вправе рассчитывать на то, что будет реализовано его право, предусмотренное ст. 46 и 52 Конституции РФ, причем соответствующее судебное разбирательство должно удовлетворять также всем критериям справедливости судебного разбирательства в том виде, в каком они закреплены в ч. 1 ст. 6 Европейской Конвенции. Кроме того, он имеет право рассчитывать на эффективное расследование государственными органами факта нарушения его прав, предусмотренных ст. 3 Европейской Конвенции.

Попробуем применить сформулированные выше положения к урегулированной УПК РФ процедуре производства по делам частного обвинения с учетом того, как она применяется на практике мировыми судьями. Автором изучено 100 дел частного обвинения, рассмотренных мировыми судьями Томской области, и 100 отказных материалов, по которым мировым судьей отказано в принятии заявления частного обвинения.

1. Возможность инициировать судебное разбирательство по делу частного обвинения.

В соответствии с ч. 1 ст. 318 УПК РФ дела частного обвинения возбуждаются путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем. При этом должны быть соблюдены требования к заявлению, сформулированные в ч. 5, 6 ст. 318 УПК РФ, иначе судья отказывает в принятии заявления к производству.

Между тем среди 200 изученных материалов лишь 15 заявлений (7,5%) подано сразу непосредственно в суд. В остальных случаях материалы в суд поступали из РОВД либо в РОВД производилась проверка наличия поводов и оснований к возбуждению уголовного дела, материалы которой в дальнейшем истребовались судом.

Причиной этого, на наш взгляд, является прежде всего тот факт, что потерпевшему очень непросто самостоятельно соблюсти все требования, указанные в данной норме закона. Следует отметить, что зачастую дознаватели различных РОВД (ГОВД) пытались оказать потерпевшему помощь в подаче в суд заявления по делу частного обвинения. Так, в Кривошеинском и Зырянском районах Томской области дознаватели самостоятельно составляют адресованные суду заявления по делам частного обвинения (потерпевший их лишь подписывает), в г. Северске дознаватель ОВД вручает потерпевшему информацию о порядке возбуждения дел частного обвинения и требованиях, предъявляемых к заявлению, в Молчановском районе Томской области и Октябрьском районе г. Томска заявление в суд составляется зачастую на бланке, выданном в РОВД. Однако и такая помощь дознавателя не гарантирует принятия соответствующего заявления судом (более 30% заявлений, составленных дознава-

телями, возвращено судьями в связи с несоблюдением требований, установленных ст. 318 УПК РФ). Если составить такое заявление не всегда может дознаватель, то гораздо труднее это сделать заявителю без помощи специалиста. Например, одному из наиболее настойчивых потерпевших пришлось четырежды обратиться в суд с заявлением, прежде чем одно из них было принято судом к производству. Общей же практикой является принятие дела к производству только после подачи второго заявления (68% от числа принятых заявлений), а довольно часто заявления принимаются только с третьей попытки (еще 20% от числа принятых обращений).

Кроме того, мировыми судьями часто самым различным образом толкуются положения ч. 5, 6 ст. 318 УПК РФ, что препятствует установлению единообразия требований к заявлениям (и, следовательно, создает неравенство между потерпевшими в части реализации их права на доступ к правосудию).

Более того, некоторые мировые судьи возвращают заявления по основаниям, не указанным в уголовно-процессуальном законе. Так, из 100 изученных заявлений, возвращенных мировым судьей, 20 постановлений о возвращении аргументированы тем, что в заявлении не указана точная квалификация деяния (часть статьи УК РФ), а 3 заявления возвращены исключительно по этому основанию. Еще одно заявление возвращено в связи с тем, что описанная фабула не соответствует указанной статье УК РФ. Представляется, что такое требование судей к заявлениям по делам частного обвинения излишне, выходит за пределы указанных в законе и не может предъявляться к деятельности частного обвинителя.

Кроме того, 1 заявление было возвращено в связи с тем (в частности), что не было ясно, имела ли место «неприличная форма» унижения чести и достоинства лица (привлечение к ответственности по ст. 130 УК РФ), 1 – поскольку не было указано, какой вред причинен здоровью, 1 – по мотиву недостижения лицом, в отношении которого оно подано, возраста уголовной ответственности. Представляется, что такие основания для отказа в принятии заявления в производство выходят за рамки установленных законом и фактически представляют собой способ осуществления судьями контроля (на этапе решения вопроса о принятии заявления к производству) за наличием/отсутствием обстоятельств, исключающих производство по делу. Между тем оценка этого обстоятельства не входит в компетенцию суда на данном этапе и может им исследоваться только в ходе рассмотрения уголовного дела по существу.

При этом из числа дел, в материалах которых имелись постановления о принятии мировым судьей заявления к производству (всего 34 постановления на 100 дел), в 19 постановлениях (почти 56%) содержалось указание на то, что мировым судьей установлено отсутствие обстоятельств, исключающих производство по делу, что должно было проверяться им в соответствии с УПК РСФСР, но не входит в его полномочия в соответствии с УПК РФ.

В некоторых случаях мировыми судьями возвращаются заявления, поданные лицами, которые не мо-

гут самостоятельно защищать свои права и законные интересы, или поданные в защиту таких лиц. По нашей оценке, таких заявлений в изученных отказных материалах 4. Думается, что эти материалы (в случае, если заявление не будет приведено в соответствие с требованиями ст. 318 УПК РФ) суду следовало бы направлять прокурору для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, практика свидетельствует, что для заявителя представляет значительную сложность подача по делу частного обвинения такого заявления, которое удовлетворяло бы требованиям ст. 318 УПК РФ. В результате беспрепятственная реализация им права на инициацию судебного разбирательства становится более чем сомнительной.

2. Собираение доказательств по делам частного обвинения.

Выше уже было обосновано, что государство обязано в случае необходимости осуществлять эффективное расследование. Эта обязанность государства диктуется общественными интересами.

Между тем по делам частного обвинения, подсудным мировому судье, обязанность доказывания возлагается законом фактически на частного обвинителя и обвиняемого. Причем в соответствии с ч. 2 ст. 319 УПК РФ по ходатайству сторон (в том числе частного обвинителя) мировой судья может (но не обязан) оказать им содействие в собирании таких доказательств по делу частного обвинения, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно.

На практике органы дознания, принявшие первоначальное заявление и проводившие проверку наличия повода и оснований к возбуждению уголовного дела, далеко не всегда собирают все необходимые материалы. Они в ходе такой проверки почти всегда берут объяснения у потерпевшего (97% дел), часто – у лица, в отношении которого подается заявление (88%), у очевидцев, свидетелей (69%), достаточно часто проводится экспертиза или судебно-медицинское освидетельствование (53% дел). В то же время, требования в ИЦ были направлены по 42% дел, хотя бы одна характеристика приобщена по 32% дел. Таким образом, государственные органы далеко не всегда оказывают полноценную помощь потерпевшему в собирании доказательств или установлении их источников, хотя у них имеются для этого достаточные полномочия.

Однако стороны не очень часто заявляют ходатайства, направленные на оказание им помощи в собирании доказательств. Так, из 100 изученных дел ходатайства сторон, содержащие адресованную к суду просьбу об оказании им помощи в собирании доказательств, заявлялись на досудебном этапе (при подаче первоначального или встречного заявления либо при ознакомлении подсудимого с материалами дела) в 11% случаев (ходатайства о назначении судебно-медицинской экспертизы или истребовании акта судебно-медицинской экспертизы, истребовании карты вызова скорой помощи, справок, требований в ИЦ, характеризующих материалов, о вызове свидетелей); в 3% дел заявлялись ходатайства о приобщении к делу представленных материалов.

Однако суд, как правило, уклоняется от оказания соответствующей помощи. Только по двум уголовным делам из числа изученных имелись сведения о том, что ходатайство об оказании помощи в собирании материалов было удовлетворено судом до начала судебного разбирательства. Во всех остальных случаях сторонам приходилось повторно заявлять соответствующие ходатайства в ходе судебного заседания и только после этого суд удовлетворял их и производил необходимые действия. Причиной такого отношения судей является, по-видимому, надежда на то, что стороны примирятся и необходимость истребовать доказательства отпадет сама собой.

Такая позиция судей идет вразрез с требованиями уголовно-процессуального закона, приводит к затруднениям для сторон в отстаивании своей позиции по делу, а также к многочисленным отложениям судебного разбирательства или перерывам в судебном заседании, к затягиванию производства по делу, что в ряде случаев может привести к фактическому отказу в правосудии.

С другой стороны, мировые судьи по делам частного обвинения вынуждены время от времени истребовать те или иные доказательства по собственной инициативе. Чаще всего это требования в ИЦ, запросы на характеристики, справки с места жительства. Причины этого, по-видимому, в том, что частные обвинители не знают, что эти материалы нужны, а органы дознания, принявшие первоначальное заявление и проводившие проверку наличия повода и оснований к возбуждению уголовного дела, далеко не всегда эти материалы собирают.

Таким образом, действующее законодательство и практика его применения приводят к тому, что, с одной стороны, обязанность по доказыванию виновности необоснованно перекладывается государством на частного обвинителя, который зачастую не знает, что именно ему нужно истребовать, и которому органы государства не оказывают необходимой помощи. С другой стороны, суд вынужден принимать на себя обязанности по собиранию доказательств по собственной инициативе, которые не могут и не должны быть возложены на суд в состязательном судебном разбирательстве.

Для сравнения: в Российской Империи потерпевший от преступления, преследуемого в порядке частного обвинения, мог обратиться не только к мировому судье, но и в полицию, которая в этом случае обязана была произвести «розыскание» (ст. 48 Устава уголовного судопроизводства). Такой порядок гарантировал потерпевшему от преступления помощь государства в необходимых случаях.

Частично две рассмотренные выше проблемы (проблема подачи заявления, удовлетворяющего требованиям ст. 318 УПК РФ, и проблема собирания доказательств по делам частного обвинения) были решены после принятия Конституционным Судом РФ Постановления от 27. 06.2005 г. № 7 – П. Однако данное постановление распространяется только на ситуации, когда потерпевшему не известна личность лица, виновного в совершении преступления, и реализуется на практике путем возбуждения уголовных дел.

Однако такой путь не решает полностью проблемы, связанные с оформлением потерпевшими заявлений и принятием их к производству мировыми судьями, и не является оптимальным, поскольку для оказания потерпевшему помощи далеко не всегда необходимо возбуждать уголовное дело и проводить по нему полноценное предварительное расследование.

Думается, что решение двух рассмотренных выше проблем возможно путем:

1) снижения формальных требований к заявлениям потерпевших по делам частного обвинения;

2) возложения на органы дознания обязанности оказывать потерпевшим всю необходимую помощь в собирании доказательств (установлении их источников) по таким делам;

3) установления правовой формы досудебной подготовки, отличной от предварительного расследования. Представляется, что более удобным здесь стало бы возрождение некоего аналога протокольной формы досудебной подготовки материалов, в рамках которой орган дознания имел бы право проводить отдельные, необходимые следственные действия (возможно, на основании судебного решения).

3. Обеспечение реализации права потерпевшего (частного обвинителя) на полноценное участие в рассмотрении дела.

Для этого он должен иметь представление об имеющихся у него правах и о том моменте, с которого они возникают. В соответствии с ч. 7 ст. 318 УПК РФ частному обвинителю должны быть разъяснены права, предусмотренные ст. 42, 43 УПК РФ, о чем составляется протокол. Между тем сведения об ознакомлении частного обвинителя с правами содержатся лишь в 74% изученных дел.

В соответствии с ч. 7 ст. 318 УПК РФ с момента принятия судом заявления к производству лицо, его подавшее, является частным обвинителем. Соответственно, невозможно установить, с какого момента лицо получило полномочия частного обвинителя, если решение судьи о принятии заявления к производству никак не оформлено. Между тем часть мировых судей не выносят постановлений о принятии заявления к производству (22% изученных дел), что затрудняет использование потерпевшим его процессуальных прав.

4. Рассмотрение дела в разумный срок.

Для дел частного обвинения этот срок должен быть, как правило, меньше, чем для рассмотрения дел о более опасных преступлениях. Однако на практике это далеко не так. Из 100 изученных дел лишь по 12% из них был вынесен приговор. В среднем для вынесения приговора по делу понадобилось 4,5 судебных заседаний. Средняя продолжительность рассмотрения такого дела (закончившегося вынесением приговора) составила 6 месяцев. Прекращенные же дела либо прекращались, как правило, до первого судебного заседания (или в его ходе), либо продолжительность производства по ним была еще выше. Например, по одному из изученных уголовных дел было проведено 18 судебных заседаний, растянувшихся на 2 года. В последнее из них частный обвинитель не явился без указания причин, что и послужило основанием для прекращения дела.

В среднем же по делам, прекращенным в связи с неявкой частного обвинителя (20% дел), состоялось по 3,5 судебных заседания. При этом далеко не все отложения рассмотрения дела и перерывы в судебном разбирательстве были вызваны необходимостью. Судьи не вызывают в судебное заседание (особенно первое) свидетелей, часто не реагируют на неявку подсудимого без уважительных причин, откладывают судебное заседание из-за неявки назначенного защитника и т.д. Возникает ощущение, что многие судьи умышленно затягивают рассмотрение дела и откладывают вынесение решения, ожидая пока не появятся основания к прекращению дела по мотиву неявки частного обвинителя, в связи с отказом его от обвинения или по мотиву примирения сторон. При изучении дел встречались случаи, когда частный обвинитель отказывался от обвинения, мотивируя свое заявление тем, что в связи с большой продолжительностью рассмотрения уголовного дела он был (в связи с многочисленными вызовами в суд) уволен с работы или не имеет возможности далее участвовать в рас-

смотрении дела (после более чем полугодового периода его рассмотрения) в связи с началом посевной.

Таким образом, на практике большая продолжительность рассмотрения судом уголовных дел частного обвинения приводит к необеспеченности права потерпевшего на судебную защиту, к фактическому отказу ему в правосудии.

Думается, что в некоторой степени соответствующее поведение судей связано с тем, что они испытывают затруднения в рассмотрении дел частного обвинения, причины которых в значительной степени связаны все с теми же сложностями в доказывании, в обеспечении явки участников, которые не могут быть решены непосредственно частным обвинителем и для решения которых ему необходима помощь государства.

Таким образом, действующий порядок производства по уголовным делам частного обвинения и практика его применения в деятельности мировых судей несовершенно, не обеспечивают соблюдения права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту и нуждаются в совершенствовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: *Иванов В.В.* Проблемы реализации и процессуальные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 7.

² См.: *Алексеева Л.Б.* Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 7.

³ Там же.

⁴ Впервые соответствующее решение было сформулировано Европейским Судом по правам человека в Постановлении по делу «Голдер против Соединенного Королевства» от 21.02.1975 г. // Европейский Суд по правам человека: Избранные решения. М.: НОРМА, 2000. Т. 1. С. 45.; См. также решения по делам: «Кэмпбелл и Фелл против Соединенного Королевства» от 26.06.1984 г.; «Эйри против Ирландии» от 09.10.1979 г.; «Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер против Бельгии» от 23.06.1881 г.

⁵ См.: *Иванов В.В.* Указ. соч.

⁶ Постановление по делу «Эйри против Ирландии» от 09.10.1979 г. // Европейский Суд по правам человека: Избранные решения. М.: НОРМА, 2000. Т. 1. С. 278.

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1999 г.

Статья представлена кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета, поступила в научную редакцию 16 декабря 2005 г.